

УДК 821.161.1-34
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-120-129
<https://elibrary.ru/xgivpq>

EDN XGIVPQ

Иносказание и текстовые аллюзии в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла»

Алякринская Марина Андреевна

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

191119, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Чернышевского, 6. alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

SPIN-код: 1967-4160

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>

ResearcherID: JNE-6859-2023

Статья поступила в редакцию 22.11.2023

Одобрена после рецензирования 22.02.2024

Принята к публикации 10.03.2024

Информация для цитирования

Алякринская М. А. Иносказание и текстовые аллюзии в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 120–129 doi 10.17072/2073-6681-2024-3-120-129

Аннотация. В статье анализируется сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла», которая традиционно рассматривалась как выступление против идеологии либерализма либо философии «малых дел». Существующие на сегодняшний день оценки «Вяленой воблы» отличаются спекулятивным характером в силу «закрытости» самого текста сказки: ее иносказательности, сложности композиционной структуры, эзопова языка.

Автор интерпретирует сказку как иносказание, за которым стоит история политической и литературной газеты «Голос» (Санкт-Петербург, 1863–1884) и биография ее издателя и редактора А. А. Краевского. Эта концепция подтверждается сюжетной основой сказки, где этапы истории воблы (первоначально достигающей успеха, но в финале съеденной «клеветниками») повторяют этапы истории газеты (ставшей официальным органом правительства Лорис-Меликова, но после убийства Александра II закрытой из-за преследования консервативной прессой); схожестью взглядов героини с программными установками «Голоса»; рядом текстовых аллюзий. Историко-философскую концепцию «Вяленой воблы» во многом поясняют риторические отступления в тексте сказки (соотносимые по смыслу с публицистическими циклами писателя, прежде всего «Пошехонскими рассказами», «Недоконченными беседами» и «Пестрыми письмами»), где речь идет об опасности общественного индифферентизма, «пестром человеке» (человеке-флюгере) и специфике национального «отрезвления».

Рассмотрение сказки «Вяленая вобла» в подобном ключе позволяет трактовать ее не как одностороннее обличение идеологических течений, а как сложный текст, затрагивающий целый комплекс общественно-исторических и экзистенциально-философских вопросов.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, «Сказки», «Вяленая вобла», газета «Голос», А. А. Краевский, М. Н. Катков.

Одной из сложных для понимания сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина является «Вяленая вобла», написанная в 1884 г. для февральского номера «Отечественных записок». Сказка интерпретируется как выступление против «идеологии, психологии и практики оппортунизма, приспособленчества и трусливо-свокорыстного минимализма в общественном поведении» [Баскаков 1974: 458]; «психологии и тактики либерализма» [Бушмин 1976: 117]; философии «умеренности и аккуратности» [Макашин 1989: 378]; «порочности консерватизма», выраженного пословицей “выше лба уши не растут” и ей подобными» [Гин 1988: 72]. Нетрудно увидеть, что перечисленные трактовки, несмотря на противоречивость, одинаково схематичны и представляют больше общие умозаключения, нежели аналитические выводы. Но, думается, спекулятивный характер интерпретаций сказки в известной степени объясним, он связан с «закрытостью» текста «Вяленой воблы»: сложностью ее композиционной структуры, иносказательностью, эзоповым языком – не случайно сказке не посвящено ни одного специального исследования. Поэтому представляется, что для аутентичного прочтения «Вяленой воблы» необходима в первую очередь ее культурно-историческая дешифровка (в той степени, в какой это возможно), объяснение иносказания и системы текстовых аллюзий.

Трудности прочтения «Вяленой воблы» прежде всего связаны с неоднородностью текста: в развитие повествования вклиниваются авторские риторические отступления, которые тематически и стилистически перебивают сюжетную линию. По объему нарратив и риторическая часть практически равны, но отступления, затрагивая социологические и историко-философские вопросы, расширяют проблемное поле сказки, «уводят» ее из области чистой литературы. Что касается повествования, то с ним ситуация, с чисто формальной точки зрения, понятна: фабульная основа ложится на достаточно узнаваемую схему с традиционным **зачином** (воблу «поймали, вычистили внутренности», провялили на солнце, в результате чего у нее «голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался. И стала вобла жить да поживать») [Салтыков-Щедрин 1974. Т. 16, кн. 1. С. 62]¹; **общей характеристикой характера и взглядов героини** («От рождения она была вобла степенная, не в свое дело носа не совала, за “лишним” не гналась, в эмпириях не витала и неблагонадежных компаний удалялась» (16, 1, 63)); **показом взаимоотношений героини с другими персонажами** («благодарными пискарями»), которые, по милости ее советов, «неиска-

леченными остались» (16, 1, 65)); **рассказом о деятельности героини** (ее различных «служебных поприщах»; деятельности по распространению «здравых мыслей в обществе» и попытках судить «заблуждения человеческие» (16, 1, 66–68)); рассказом о ее **конflikте с «клеветниками» и трагическом разрешении этого конфликта** («Один из самых рьяных клеветников ухватил вяленую воблу <...> и у всех на виду слоपाल» (16, 1, 72)); **эпилогом** («пестрые люди» смотрели на гибель воблы, «плескали руками и вопили: “Да здравствуют ежовые рукавицы!”», но История положила: “Годиков через сто я непременно все это тисну!”» (16, 1, 72)).

Основная сложность в понимании сюжетного повествования состоит в трактовке иносказания, связанного с образом вяленой воблы. В советском литературоведении героиню сказки помещали в контекст теории «малых дел» правого народничества и «измен либерализма» эпохи реакции 1880-х гг. [Баскаков 1974: 458–459], тем самым невольно сближая ее с «друзьями народа» из статьи В. И. Ленина в зеркале его же критики. Но при этом исследователи не учитывали ряда обстоятельств. К примеру, того, что Салтыков, рекомендуя «Вяленую воблу» к печати в 1885 и 1887 гг., дважды указывал, что сказка уже утратила «сомнительный смысл» (20, 224) и сделалась «безопасною» (20, 320). Напрашивается вывод, что при написании сказки этот «сомнительный смысл» существовал, то есть текст был непосредственным откликом на некие события, случившиеся в 1883 – начале 1884 г. Рискнем предположить, что событием, вызвавшим к жизни сказку, могло стать закрытие в 1883 г. крупнейшей либеральной газеты пореформенной России – газеты «Голос»². Представляется, что осмысление судьбы этого издания, а также личности и взглядов ее издателя А. А. Краевского отразилось на сюжете и проблематике «Вяленой воблы».

Что, кроме совпадения дат, заставляет соотносить образ воблы с газетой?³ Во-первых, особенности текста сказки, становящегося значительно более понятным при условии, что речь в нем идет как о персоне, так и о печатном издании одновременно, причем повествование все время «переключается» с персоны на издание и наоборот⁴. Во-вторых, характер деятельности героини, «с утра до вечера» распевающей «по градам и весям». Кроме того, вобла не просто «калякает», она создала, как утверждает автор, целую «цитадель», доктрину вяленой воблы, и доктрина эта противопоставлена идеологии, с одной стороны, «наивных людей», которые в «эмпириях витают», а с другой – «злецов», которые «ядом передовых статей жизнь отравляют» (16, 1, 65), то есть прямо вписана в контекст журнальной

полемики 1870–80-х гг. (между демократическими «Отечественными записками» и консервативными «Московскими ведомостями»). Именно такую центристскую позицию занимала газета «Голос».

Безусловно, в России конца 1870-х – начала 1880-х гг. были и другие либеральные издания, но ни одно из них в это время нельзя сравнить по авторитету и популярности с «Голосом», не случайно последний так широко отразился в литературе: он упоминается в стихах Н. А. Некрасова; публицистике и романах Ф. М. Достоевского; рассказах А. П. Чехова. Так что вполне закономерно, что «Голос» мог появиться и в сказке М. Е. Салтыкова, тем более что сатирик был подписчиком и внимательным читателем этой газеты и, несмотря на несогласие с ней по многим вопросам, даже скучал, когда «Голос» приостанавливали (19, 2, 33).

* * *

Ассоциировать воблу с «Голосом» позволяет сходство программных установок. Идеология воблы, пусть и пародийно-гротескно поданная как набор трюизмов: «Тише едешь, дальше будешь»; «Маленькая рыбка лучше, чем большой таракан», «Поспешишь – людей насмешишь»; «Уши выше лба не растут»; «Надо дело делать» – в значительной степени соответствует идеологическим установкам «Голоса». Уже чтение передовой статьи стартового номера газеты, содержащей программу издания, наполняет новым смыслом сентенции, составляющие доктрину героини сказки Салтыкова. Так, пословицы «тише едешь, дальше будешь» и «поспешишь – людей насмешишь» вполне соответствуют рассуждениям в этой статье о недопустимости спешки в

деле общественного прогресса; автор⁵, советуя «нетерпеливцам» помнить, что «наполеонов кодекс» был приготовлен во время Первой Французской Республики, а идеи Адама Смита нашли приложение в Англии спустя 70 лет после издания его труда, пишет: «Мы видим, что и передовые нации не шагают в сапогах-скороходах, не разом хватают звёзды с неба, не торопятся там, где вопросы соприкасаются с разнообразными интересами большинства. *Нам же и подавно некстати порываться вперёд* (курсив наш. – М. А.), не соображаясь с силами. Мы не застрельщики цивилизации» [1 января 1863 года // Голос. 1863, № 1: 2]. Положения о том, что «мы... не вдаемся в теоретические увлечения» и «долг газеты – <...> служить *делу* и истине, а не лицам, не партиям, *не предвзятой теории*» [там же] могут быть сочтены аналогами афоризма «уши выше лба не растут»; с пословицей про маленькую рыбку и большого таракана соотносима мысль: «Россия ещё так относительно молода, процесс её позднего возрождения так нов и своеобразен, что скромное изучение явлений и беспристрастный рассказ о фактах принесут более пользы, чем преждевременные выводы в угоду любимой мечте или в подрыв ненавистой теории» [там же]. Наконец, слово «дело» здесь также использовано множество раз: «Мы стоим за *деятельную реформу*, но не желаем скачков и бесполезной ломки» (курсив газеты. – М. А.); «... *Дело* реформы не есть *дело* личного вкуса или случая, это *дело* органической потребности...» (курсив наш. – М. А.) [там же].

Для наглядности идеологемы газеты и героини сказки можно привести в сопоставительной таблице.

Сказка «Вяленая вобла»	Тезисы программной статьи первого номера «Голоса»
«Тише едешь, дальше будешь»	«Нам <...> некстати порываться вперёд»
«Поспешишь – людей насмешишь»	Мы «не желаем скачков и бесполезной ломки»
«Уши выше лба не растут»	Мы «не вдаемся в теоретические увлечения»
«Маленькая рыбка лучше, чем большой таракан»	«...Скромное изучение явлений и беспристрастный рассказ о фактах принесут более пользы, чем преждевременные выводы»
«Надо дело делать»	«Мы стоим за деятельную реформу...»

Безусловно, было бы наивно думать, что Салтыков в 1884 г. мог буквально воспроизвести статью газеты двадцатилетней давности⁶. Но то, что основные мысли этой статьи полностью перекрываются кругом идиом, употребленных в сказке, – показатель того, что речь идет о «Голосе» – либеральном органе русской бюрократии, достаточно последовательном в осуществлении своих установок.

Сближает героиню сказки Салтыкова с «Голосом» и манера речи. Вобла – противник «настоящих» слов: «Никогда не нужно настоящих слов говорить <...> А ты пустопорожнее слово возьми и начинай им кружить. И <...> с одной стороны загляни, и с другой забеги; умей “к сожалению, сознаться” и в то же время не ослабеваючи уповай; сошлись на дух времени, но не упускай из вида и разнужданности стра-

стей» (16, 1, 67). Исследований языка «Голоса» нет, но надо отметить, что пародийное воспроизведение автором речи героини вполне соответствует стилистике газеты: конструкции, аналогичные построенным фразовым моделям, встречаются даже в цитируемой статье: «Мы не расходимся с основными положениями науки, но уважаем и историческое начало»; «Мы не хотим льстить правительству, не желаем льстить и народу, не намереваемся заискивать и в той среде, которая известна под именем «юной России» [Голос. 1863. № 1: 2]. Отчасти комментарием к языку «Голоса» может служить очерк в журнале «Слово»⁷, где издание сравнивается с чиновником «петербургского либерального типа», обладающим «искусством говорить много и не сказать ничего, напускать туман на самые простые вещи и превращать пустословие в нечто серьезное, имеющее внешность глубокомыслия» [Типы современных газет 1879: 169].

* * *

Возвращаясь к тексту «Вяленой воблы», заметим, что не все тезисы героини занимают равное место в тексте сказки: чаще всего она рассуждает на тему «уши выше лба не растут»; этот афоризм (в разных вариантах) повторяется многократно: «Уши выше лба не растут!» – ведь это то самое, о чем древние римляне говорили: “*Respice finem!*”» (16, 1, 66); «Верь на слово, что суть этих каракуль может быть выражена в немногих словах: *выше лба уши не растут*» (16, 1, 66); «...Коли спрашивают – повергай! а не спрашивают – сиди и памятуй, что *выше лба уши не растут!*» (16, 1, 67); «Об одном всечасно и себе, и другим твержу: *не растут уши выше лба! не растут!*» (16, 1, 68); «С утра до вечера неуставаячи ходила она по градам и всеям и все одну песню пела: “*Не расти ушам выше лба! не расти!*”» (16, 1, 68); «...Пестрая масса начинает мало-помалу волноваться. Больше, больше, и вдруг вопль: “*Не растут уши выше лба, не растут!*”» (16, 1, 69); «“*Уши выше лба не растут!*” – хорошо это сказано, сильно, а дальше что?» (16, 1, 70).

Судя по числу повторов, из программы воблы автора сказки сильнее всего задевал пункт о «теоретических увлечениях». Действительно, о ненужности и даже вредности «теорий» (западных. – М. А.) для общественного развития России «Голос» писал на протяжении многих лет⁸, а Салтыков, придававший огромное значение самому факту наличности общественного идеала в человеческом сознании, не мог с этим согласиться. Как уже отмечалось, «теориям» «Голос» противопоставлял «дело» – это была позиция А. А. Краевского, который, по мнению современников, был человеком, далеким от идеальных стремлений⁹, что не могло не отразиться

на газете. Салтыков не раз критиковал Краевского за прагматизм: так, еще в 1863 г. он заметил, что «одно знамя вручает русскому народу г. Чичерин, другое – г. Аксаков, третье – г. Катков. Наконец, г. Краевский полагает, *что можно и совсем без знамени...*» (6, 119; курсив наш. – М. А.). Вообще, публицистические заметки Салтыкова 1860-х гг. пестрят выпадами в адрес Краевского, но с 1868 г. прямая критика журналиста исчезает из сочинений сатирика, что объясняется заключением специального соглашения между Краевским как арендодателем и обновленной редакцией «Отечественных записок»; этот договор продолжал существовать и во времена редакторства Салтыкова – возможно, именно данным обстоятельством и объясняется столь сильная зашифрованность «Вяленой воблы».

* * *

Еще в 1864 г. Салтыков, иронически сравнивая благонамеренность «Голоса» с благонамеренностью «Московских ведомостей» и утверждая, что между их программами, какими бы различными они ни казались, нет принципиальных разногласий, предрек, что в условиях отсутствия предварительной цензуры провластные «Московские ведомости» когда-нибудь погубят либеральный «Голос»: «И таким образом <...> “Голос” будет томиться в узах, а “Московские ведомости” будут разглагольствовать. Мало того, они будут еще поддразнивать:

Друг! отчего печален голос твой? <...>....

И чего доброго, под влиянием этих подстрекательств, «Голос» вооружится храбростью и воскликнет: не надо и мне цензуры, хочу и я, в свою очередь, пороскошествовать!.. Ну, и погибнет» (6, 360).

На самом деле все случилось примерно так, как напророчествовал Салтыков, только произошло это двадцать лет спустя. История гибели газеты, как представляется, и рассказана в «Вяленой вобле»: «И вот в одно утро совершилось неслыханное злодеяние. Один из самых рьяных клеветников ухватил вяленую воблу под жабры, откусил у нее голову, содрал шкуру и у всех на виду слопал...» (16, 1, 72).

Под именем «клеветников» в сказке очевидно выведены публицисты «Московских ведомостей», прежде всего М. Н. Катков: целенаправленная кампания, которую на протяжении целого ряда лет вела московская газета против «Голоса», во многом привела к закрытию издания. На страницах «Московских ведомостей» «Голос» шельмовался как «патентованный орган общественного обмана» [Катков 1882: 258]; «орган интриги, пытающейся навязать свою политику правительству с целью ослабления России» [там же: 334]. Не раз Катков прибегал к инсинуациям, к примеру, упре-

кал власти за излишний либерализм, за то, что администрация, несмотря на террор, была склонна разговаривать «языком если не “Земли и воли”, то фельетонов “Голоса”» [там же: 123]; он же прямо обвинял «Голос» в «антирусском направлении»¹⁰. Преследование Катковым «Голоса» продолжалось до тех пор, пока газета не была формально приостановлена, а фактически закрыта.

Но в «Вяленой вобле» не только изложена идеологическая программа воблы и рассказано о ее печальном финале, история героини в целом – история бытования «Голоса» в русском обществе, перемешанная с отдельными фактами биографии его издателя. Так, в кульминационный момент сюжета сказки вобла достигает своей пропагандой успеха («...Даже клеветники и человеконенавистники <...> вынуждены сознаться, что простая вобла <...> совершила такие чудеса консерватизма, о которых они и гадать не смели» (16, 1, 69)); и этот ее взлет также соответствует истории «Голоса», ставшего в 1880 г. «официозным органом режима Лорис-Меликова» [Луночкин 1996: 52]. В это время газета пользовалась особым расположением правительства и цензурного ведомства, она выступала в «ликующем ключе», для ее публицистики были характерны «бодро-оптимистические мотивы» [там же: 51–52]. Но убийство Александра II и смена политического курса привели к тому, что из «торжествующей» газета (как и вобла) «превратилась в заподозренную, из благонамеренной – в либералку» (16, 1, 72), и, соответственно, ей пришлось «распоясываться», что видно по смене тональности с уверенной на оправдывающуюся. В 1882 г. на «Голос» нападают не только «Московские ведомости», но и другие издания («Русь», «Гражданин»), а газета вынуждена доказывать свою лояльность: «Тяжело, при таких условиях, существование людей, позволяющих себе искренне думать, что они от чистого сердца, с святыней убеждения в груди, служат обожаемой ими родине. Тяжело особенно потому, что оскверняется чистота их намерений, что им приписываются побуждения и цели, которые никогда не приходили им на ум» [Голос. 1882. № 26: 1].

* * *

Есть в сказке и прямая отсылка к «Голосу»: вобла, распространяя «здравые мысли» в обществе, рассуждает: «Пускай сначала к *голосу* (курсив наш. – М. А.) моему привыкнут, а затем я своего уж добыюсь...» (16, 1, 68). Вряд ли эта фраза случайна, скрытое указание на пародируемый объект – известный прием сатиры; в высмеивании «Голоса» этот прием встречается неоднократно. Так, у Н. А. Некрасова в посвященной А. Краевскому сатирической «Легенде о некоем покающемся старце» бес предлагает старцу:

Ты мудрец, и сед твой волос, –
Не к лицу тебе мечты, –
Ты запой на новый *голос*...
[Некрасов 1981: 206].

Этот же прием обыгрывает Ф. М. Достоевский в статье «Каламбуры в жизни и литературе»: «...Г-н Краевский в продолжение своей литературной карьеры не успел, за делами, сделаться литератором! Отнюдь мы этого не поставим ему в упрек. <...> С своей стороны, мы торжественно признаем за ним *голос* в русской литературе» [Достоевский 1980: 137]. Да и сам Салтыков использует тот же прием, намекая на газету цитатой из стихотворения «Памяти Тургенева» В. А. Жуковского: «Друг! отчего печален *голос* твой?»

Присутствуют в сказке и аллюзии, связанные с личностью А. А. Краевского: вобла близка именно тем сферам, с которыми в течение жизни был тесно связан издатель «Голоса»: бюрократии, журналистики, выборных должностей, благотворительности. Сам образ вяленой воблы – главный образ сказки – создан с учетом биографии Краевского. Знание этой биографии Салтыков обнаружил еще в 1860 г., отметив, что в 1848 г. редактор «Отечественных записок» «прибегал к сотрудничеству К. Полевого» (4, 200). Вспоминая о К. Полевом, работавшем в 1840–1850-е гг. в газете Ф. Булгарина «Северная пчела», Салтыков, вероятно, намекал на написание Краевским верноподданнической статьи «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», за которую журналист был осуждаем современниками. Известно, что появлению этой статьи предшествовал целый ряд правительственных «увещаний» прессы, связанных с революциями в Европе. Тогда Краевского, как и руководителей других крупных изданий, вызывали в многочисленные властные инстанции: в Меншиковский комитет (Комитет для рассмотрения действий цензуры периодических изданий – М. А.), к министру просвещения С. С. Уварову, главе Третьего отделения А. Ф. Орлову, где «прорабатывали» в соответствии с новыми политическими реалиями; причем, согласно запискам М. Корфа, Краевский, приглашенный к Орлову «по воле Государя», после беседы «трясся как лист» [цит. по: Волошина 2022: 384–385]. Действия властей имели успех, Корф приводит такой диалог с Николаем I:

«...Ну, а что теперь Краевский со своими “Отечественными Записками”, после сделанной ему головомойки?

– Я в эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу в ней совершенную перемену, совсем другое направление... Повешенный над

журналистами Дамоклов меч, видимо, приносит добрые плоды» [цит. по: Волошина 2022: 389].

Только соотнеся эти факты биографии А. А. Краевского с началом сказки, где воблу «поймали», «вычистили» и «вывесили на веревочке на солнце» (пословица «за ушко да на солнышко» не раз встречается в сочинениях Салтыкова – М. А.), можно оценить образ *вяленой воблы*, созданный сатириком. Налицо прием буквальной реализации метафоры, литературная игра с читателем. Ну, а взгляды и деятельность героини в дальнейшем – это, как заметит автор, следствие того процесса вяления, «сквозь который она прошла» (16, 1, 66).

Ассоциирование воблы с «Голосом» и ее издателем позволяет объяснить и некоторые «темные места» сказки, в частности замечание, что вобла, глядя на «заблуждения человеческие», «камешками пошвыривает» (16, 1, 68). Можно предположить, что речь идет о выпадах «Голоса» против демократической литературы. Так, газета злобствовала по поводу полемики «Современника» и «Русского слова»¹¹; с изрядной долей сарказма была в ней рассказана история про чтение Н. А. Некрасовым похвальной оды графу Муравьеву¹². В конце 1870-х гг. в «Голосе» работал Б. Маркевич, известный антинигилистическими произведениями, в его «Листке» встречаются «камешки» в адрес художников-передвижников, И. С. Тургенева и молодого поколения России¹³.

* * *

Смысл «Вяленой воблы» не может быть понят без авторских отступлений: они служат фоном, на который проецируется действие, и этот фон во многом создает концепт сказки¹⁴. Риторическая часть открывается рассуждением о «привесках», порождающих «тьму новых забот, осложнений и беспокойств» (16, 1, 63). Под «привесками», очевидно, следует понимать атмосферу «изумления» и «поголовного страха» (15, 2, 106) в России начала 1880-х гг., где революционный террор парадоксально сочетался с сочувственными настроениями по отношению к радикально настроенной молодежи, а свободолюбивые чаяния проникали даже во властные органы.

Отношение Салтыкова, редактора самого демократического русского журнала, к атмосфере террора – вопрос, требующий специальных исследований, хотя понятно, что писатель, как человек гуманистической культуры, насилия одобрить не мог¹⁵. Однако не мог он и не уважать мотивы поиска правды и справедливости, движущего такими личностями, как В. Засулич и другие; а главное – не ценить протеста «сомневающегося, неудовлетворенного и ищущего» против «заповеданного, общепринятого и установившегося» (9, 66). В ситуации исторических сумерек,

когда «приходится всю дорогу ощупью идти» (16, 1, 64), Салтыков противопоставлял интеллектуальные попытки анализа складывающейся ситуации карательным мерам правительства, которые, запугивая общество, не помогают исправить положение. Путь может указать только слово, и на фоне этой любимой мысли писателя действия героини сказки деструктивны, поскольку провоцируют стагнацию, общественное стремление «сидеть упершись лбом в стену» (15, 2, 129). Приведя «искалеченного» человека к этой символической стене, вобла заявляет: «Вон сколько каракуль там написано; всю жизнь разбирай – всего не разберешь!» (16, 1, 66). За этим следует абзац – пример метатекстового комментария, – где суждения автора «вписаны» в речь героини: «Смотри на эти каракули, и ежели есть охота – доискивайся их смысла. Тут все в одно место скучено: и заветы прошлого, и яд настоящего, и загадки будущего. И над всем лег густой слой всякого рода грязи, погадок, вешних потоков и следов непогод. А ежели разбираться в каракулях охоты нет, то тем еще лучше. Верь на слово, что суть этих каракуль может быть выражена в немногих словах: выше лба уши не растут. И затем – живи» (16, 1, 66).

Противопоставление слова автора и агрессии речей воблы акцентирует писательскую мысль: культурные ценности – философские, социальные учения и теории, накопленные человечеством за время исторического развития, – дались дорогой ценой¹⁶. Между тем вобла, игнорируя неизбежность следования человечества по тернистой, но все-таки дороге прогресса; направляет своего адепта по пути «торному». Куда ведет этот путь? В «надлежащее место» (16, 1, 65). Что скрыто за последним перифразом, можно понять лишь предположительно, диапазон трактовок – от высоких, сакральных (ад), до сниженных, профанных (отхожее место) – широк, но ясно одно: путь воблы – путь в нравственное никуда, хотя путь этот и обольстителен для запуганного человека исторических сумерек.

Было бы нелогичным рассматривать издание вне читателя, и Салтыков ставит вопрос о читателе еще в двух публицистических отступлениях, размышляя, кого и в силу чего способна увлечь вобла своей программой. Ее последователем может быть «отчаявшийся» человек, который, пройдя цикл жизненного «мучительства», обращается к прагматике жизни; но основная ее аудитория – «пестрый человек» (человек-флюгер), который, не будучи искушен в «теориях», поднаторел в практике «принюхиваний»: «“Кто-то нас выручит? кто-то подходящее слово скажет?” – ежесекундно тосковали пестрые люди и были рады-радехоньки, когда в ушах их разда-

лись отрезвляющие звуки» (16, 1, 69). Участие воблы в повальном идеологическом «отрезвлении» общества, в создании атмосферы общественного равнодушия – ее прямая вина; ибо равнодушие «на целую эпоху кладет печать бессилия, предательства и трусости» (15, 2, 125). За это героиня, по логике сюжета, и наказывается трагическим финалом (парадоксально, что закономерности литературы здесь тождественны логике жизни), причем ее гибели «рукоплещут» в первую очередь вчерашние последователи. И. Н. Крамской назвал «Карася-идеалиста» «высокой трагедией» [Макашин 1989: 392], возможно, на это определение в какой-то мере может претендовать и «Вяленая вобла», ибо ситуация гибели под аплодисменты «отрезвленной» толпы сама по себе трагична¹⁷. Кроме того, судьба воблы вызывает у автора некоторое сочувствие, ведь при всех недостатках у нее было и достоинство: из нее «вместе с лишними чувствами, лишнею совестью» и «понятие об ежовых рукавицах выпотрошили» (16, 1, 399); – и одно это дает основание «тиснуть» (представить на суд Истории) поучительный рассказ о ее судьбе.

* * *

Несмотря на тесную связь «Вяленой воблы» с существованием и закрытием газеты «Голос», смысл сказки, безусловно, не сводится к иллюстрированию деятельности газеты или биографии А. Краевского. Просто события, случившиеся с «Голосом», стали поводом для авторских размышлений, с одной стороны, о парадоксах российской истории, а с другой – о вечных вопросах бытия. История воблы – рассказ о том, что общественный прагматизм и индифферентизм – это заведомо тупиковый путь, который может привести лишь к деспотии, к тому, что «единственный целесообразный прием, при помощи которого мы можем прийти к какому-нибудь результату» (16, 1, 71), – это ежовые рукавицы.

Вместе с тем «Вяленая вобла» – это еще и экзистенциально-философский трактат о смысле жизни. Салтыков был натурой религиозной, склонной к идее подвижничества во имя блага человечества, и «Вяленая вобла» лишний раз подтверждает ту незыблемую для сатирика моральную истину, что «схоранивание» под лопухом от острых проблем современности не гарантирует в условиях диктаторского режима жизненной безопасности тому, кто хоть как-то сохранил в себе человеческое начало.

Примечания

¹ В дальнейшем ссылки на М. Е. Салтыкову-Щедрину приводятся по этому изданию, с указанием в круглых скобках тома, книги и страницы.

² «Голос» был официально закрыт в августе 1884 г., но с февраля 1883 г. газета не выходила: ее выпуск был приостановлен на шесть месяцев и не возобновлен по истечении этого срока. Салтыков считал «Голос» проданным «компанией Циона и Каткова» уже в сентябре 1883 г. (19, 2, 229). Действительно, переговоры о продаже «Голоса» велись А. Краевским, но не увенчались успехом. В ноябре 1883 г. Краевский передал право собственности на издание коллективу сотрудников, но и это не помогло газете выжить, последний и единственный после приостановки ее выхода номер вышел 7 февраля 1884 г.

³ Параллель «деятельность воблы» – «деятельность либеральной прессы» указал А. С. Бушмин [Бушмин 1976: 116], но не развил эту мысль.

⁴ В том, что газета и издатель отождествляются, нет ничего странного для ситуации второй половины XIX в., тогда облик частных изданий определялся издателем и его субъективные качества «в значительной степени влияли на формирование типа издания» [Сонина 2004: 109].

⁵ Статья не подписана, но, вероятнее всего, ее автором был издатель (и редактор до 1871 г.) А. А. Краевский.

⁶ К 15-летию «Голоса» была издана книга (Михневич В. О. Пятнадцатилетие газеты «Голос». СПб., 1878), где в главе «Идеалы и направление» излагается передовая статья первого номера, и такая книга в библиотеке сатирика могла быть.

⁷ Автором ее был, судя по псевдониму, А. А. Плещеев, сын известного поэта, близкого кругу «Современника».

⁸ Так, в январе 1865 г. автор фельетона пишет, что прессе полезно учиться у общества, это «избавило бы некоторую часть нашей прессы от водотолчения, которым она забавляется, путаясь в разных теориях...» [Голос. 1865. № 17: 1]. В 1878 г. в передовой статье новогоднего номера говорится, что по окончании войны «не будет уже места пустой игре в слова, в «охранительные» или «разрушительные» побрякушки, в застраиванье или в пропаганду, в роль спасителей отечества или вожаков социализма. Россия будет нуждаться в деле (курсив «Голоса». – М. А.), в истинных рабочих силах, честно исполняющих свой долг» [Голос. 1878. № 1: 1]. В 1883 г. российская печать вновь осуждается «Голосом» за то, что «не касается насущных и практических вопросов» и «живет теориями, которые измышляются писателями и не имеют прямого отношения к нуждам и потребностям страны...» [Голос. 1883. № 15: 1].

⁹ «Краевский вообще был умный и энергичный человек; но ему были чужды, или, по крайней мере, занимали в его жизни второстепенное

место, те идеалистические стремления, а не практические соображения, которые волновали лучших людей в “сороковые” и “шестидесятые” годы» [РБС: 403].

¹⁰ «... Интеллектуальных зачинщиков и интеллектуальных руководителей в бунте против русской власти должно искать между поляками... За это говорит и то обстоятельство, что во главе оппозиционной печати стоит «Голос», выходящий под русским именем, но издаваемый поляком. Следует сделать поправку. Краевский не поляк, но газета его деятельно служит органом антирусского направления» [Катков 1881: 136–137].

¹¹ «Сии поучители российского общества <...> дошли до того предела, далее которого если и можно идти, то уж никак не в печати. <...> О чём спорили, в каких принципах не сходились, что разрабатывали, из-за какого вопроса бились, за какую идею копья ломали? Спросите у любого – ни один не ответит вам правды, потому что каждому совестно будет сознаться в своих истинных побуждениях. Грязь, грязь, и больше ничего!» [Голос. 1865. № 17: 1].

¹² «В произнесенных г. Некрасовым стихах выставлены заслуги графа, которому теперь вся Россия “бьет челом”. <...> Г. Некрасов, бесспорно, обладает поэтическим талантом. Он пробовал свои силы в различных родах поэзии, но, нам кажется, ни на одном из них не имел такого успеха, как на том, на который он ступил теперь... Мы можем пожалеть только, что Некрасов не попал несколько ранее на эту торную и верную дорогу, вместо того чтобы идти по просёлочным скользким тропинкам, как он это делал до сих пор. От всей души желаем ему успеха на этом новом поприще и вполне уверены, что если он займётся разработкой его, то, конечно, оставит далеко за собою всех теперешних своих конкурентов» [Голос. 1866. № 112: 1].

¹³ «Почему беспомощными и безоружными захватило нас это внезапное брожение, как дозволила русская жизнь этой наносной гнили и рже проникнуть до самой сердцевины своей, забраться под самые заветные свои устои – вопросы, для обсуждения и разрешения которых не достало бы места на столбцах летучего листа. Прежний критерий распознавания добра и зла, должного и не должного, похвального и преступного был разбит вдребезги, втопан в грязь – и над обломками его, в бешеной свистопляске заголосили “новые люди” о “новых началах” – неслышанной амальгаме непроходимого невежества, утопий самого ребяческого свойства, безнравственности и безначалия, вознесенных на степень догмата, в значение закона и пророков» [Голос. 1877. № 52: 1].

¹⁴ Для понимания этой части сказки, также написанной эзоповым языком, необходимо привлечение в качестве комментария очерков из параллельных по времени публицистических циклов сатирика: «Недоконченных бесед» (глав 7–8); «Пошехонских рассказов» (глав 5–6); «Пестрых писем» (глава 9). К сожалению, объем статьи не позволяет в полной мере развернуть литературный контекст сказки.

¹⁵ К. М. Салтыков писал: «К террористическим выступлениям отец вообще относился отрицательно. Относился он также отрицательно и к системам репрессий, выражавшихся в повешении людей, в заточении их в крепости и ссылке на долгие годы в Сибирь или куда бы то ни было» [Салтыков К. М. 1923: 26].

¹⁶ Ценой «величайших жертв и усилий», как скажет автобиографический герой «Круглого года» (13, 459).

¹⁷ Представляется, что можно провести аналогию между рассказом о гибели воблы и главой «Фантастическое отрезвление» «Пошехонских рассказов», где излагается история убийства Ивана Рыжего «отрезвившейся» толпой, которую подначивает газетчик Скоморохов (Катков. – М. А.). Глава эта была написана практически одновременно с «Вяленой воблой».

Список литературы

Баскаков В. Н. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худ. лит., 1974. Т. 16. Кн. 1. С. 456–459.

Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина. Л.: Худ. лит., 1976. 275 с.

Волошина С. М. Власть и журналистика: Николай I, Андрей Краевский и другие. М.: Дело, 2022. 661 с.

Гин М. М. Мир и жанр щедринской сказки // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск, 1988. С. 70–102.

Голос: газета политическая и литературная: ежедневное издание. СПб., 1863–1884.

Достоевский Ф. М. Каламбуры в жизни и литературе // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 21. С. 137–147.

Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» в 25 кн. М.: Изд-во С. П. Катковой, 1897–1898. 1881. 632 с.; 1882. 688 с.

Краевский Андрей Александрович // Русский биографический словарь в 25 т. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества Половцева. СПб.: типография И. Н. Скороходова. 1896–1918. Т. 9. 1903. С. 400–404.

Луночкин А. В. Газета «Голос» и режим М. Т. Лорис-Меликова // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История, философия. Вып. 1. 1996. С. 49–56.

Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. М.: Худ. лит., 1989. 526 с.

Некрасов Н. А. Легенда о некоем покающемся старце // Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. 447 с.

Салтыков К. М. Интимный Щедрин. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 79 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худ. лит., 1965–1977.

Сонина Е. С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 356 с.

Типы современных газет. «Голос» // Слово. 1879. № 9. С. 168–182.

References

Baskakov V. N. Kommentarii: M. E. Saltykov-Shchedrin. Skazki [Commentaries: M. E. Saltykov-Shchedrin. Fairy tales]. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy v 20 t.* [Collected works in 20 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 16, book 1, pp. 456–459. (In Russ.)

Bushmin A. S. *Skazki Saltykova-Shchedrina* [Fairy Tales of Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 275 p. (In Russ.)

Voloshina S. M. *Vlast' i zhurnalistika: Nikolay I, Andrey Kraevskiy i drugie* [Power and Journalism: Nicholas I, Andrey Kravetsky, and others]. Moscow, Delo Publ., 2022. 661 p. (In Russ.)

Gin M. M. *Mir i zhanr shchedrinskoy skazki* [The world and genre of Shchedrin's fairy tale]. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [The Genre and Composition of a Literary Work]: an interuniversity collection. Petrozavodsk, 1988, pp. 70–102. (In Russ.)

Golos: gazeta politicheskaya i literaturnaya [Voice: Political and Literary Newspaper]: a daily publication. St. Petersburg, 1863–1884. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. *Kalambury v zhizni i literature* [Puns in life and literature]. Dostoevsky F. M.

Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. [Complete Works in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 21, pp. 137–147. (In Russ.)

Katkov M. N. *Sobranie peredovyykh statey 'Moskovskikh vedomostey' v 25 kn.* [Collection of Editorials from the 'Moscow News' in 25 vols.]. Moscow, Publishing House of S. P. Katkova, 1897–1898; 1881, 632 p.; 1882, 688 p. (In Russ.)

Krayevsky Andrey Aleksandrovich. *Russkiy biograficheskiy slovar' v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary in 25 vols.]. St. Petersburg, Publishing House of I. N. Skorokhodov, 1896–1918, vol. 9. 1903, pp. 400–404. (In Russ.)

Lunochkin A. V. Gazeta 'Golos' i rezhim M. T. Loris-Melikova [The newspaper 'Voice' and the regime of M. T. Loris-Melikov]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 4: Istoriya, filosofiya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History, Philosophy], 1996, issue 1, pp. 49–56. (In Russ.)

Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody* [Saltykov-Shchedrin. Last Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 526 p. (In Russ.)

Nekrasov N. A. Legenda o nekoem pokayavshemsya startse [The legend of a repentant elder]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]: in 15 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 2. 447 p. (In Russ.)

Saltykov K. M. *Intimnyy Shchedrin* [Private Shchedrin]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 79 p. (In Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy v 20 t.* [Collected works in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)

Sonina E. S. *Peterburgskaya universal'naya gazeta kontsa XIX veka* [Petersburg universal newspaper of the late 19th century]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004. 356 p. (In Russ.)

Tipy sovremennykh gazet. 'Golos' [Types of modern newspapers. 'Voice']. *Slovo* [Word], 1879, issue 9, pp. 168–182. (In Russ.)

Allegory and Allusion in the Fairy Tale ‘Dried Vobla’ by Mikhail Saltykov-Shchedrin

Marina A. Alyakrinskaya

**Associate Professor in the Department of Journalism and Media Communications
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration**

6, Chernyakhovskogo st., St. Petersburg, 191119, Russian Federation. alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

SPIN-code: 1967-4160

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>

ResearcherID: JNE-6859-2023

Submitted 22 Nov 2023

Revised 22 Feb 2024

Accepted 10 Mar 2024

For citation

Alyakrinskaya M. A. Inoskazanie i tekstovye allyuzii v skazke M. E. Saltykova-Shchedrina «Vyalenaya vobla» [Allegory and Allusion in the Fairy Tale ‘Dried Vobla’ by Mikhail Saltykov-Shchedrin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 120–129. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-120-129 (In Russ.)

Abstract. The article explores M. E. Saltykov-Shchedrin’s fairy tale *Dried Vobla*, which is traditionally considered as a manifesto against liberalism and philosophy of ‘moderation and accuracy’. According to Vladimir Lenin’s estimation, the main character of the fairy tale represents the cultural and historical context of the ‘small deeds’ theory used by the right Narodniks as well as ‘liberalism betrayals’ of the 1880s.

The author of the paper regards existing estimations as speculative in their nature due to the complexity of the text of the fairy tale: it uses allegories and Aesopian language, has a complicated composition structure. The paper considers the fairy tale as an allegory of the history of the political and literary newspaper *Golos* (Saint Petersburg, 1863–1884) as well as of the biography of its publisher and editor Andrey Krayevsky. This theory is proved by the closeness of the main character’s views to the policy of the newspaper as well as by the plot of the tale (where the vobla, though firstly being successful, is eventually eaten by ‘slanderers’) that replicates the history of the newspaper (which was a semi-official organ of press of the Loris-Melnikov’s government, closed after the assassination of Alexander II due to the conservative media persecution headed by Mikhail Katkov’s *Moskovskie Vedomosti*). The historico-philosophical concept of the tale is mainly explained in digressions (which are contextually similar to the writer’s journalist series, mainly *Poshehonsky Stories*, *Unfinished Talks*, and *Motley Letters*, where is discussed the danger of public indifference, the ‘motley man’ (‘weathervane man’), and the features of national sobering, inevitably resulting in a bloodbath. The study of the tale in the cultural and historical context of the time and through the lens of the writer’s journalist series of the 1880s makes it possible to regard the tale not only as ‘condemning’ some certain ideological trends (movements) but also as a complex story covering social, historical, and existentialism problems.

Key words: Mikhail Saltykov-Shchedrin; Fairy Tales; Dried Vobla; Golos newspaper; Andrey Krayevsky; Mikhail Katkov.